

Е.В. Польская, аспирант*Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск (Россия)*

Ключевые слова: поземельные отношения; землевладение; землепользование; дальневосточное казачество; «отвод Духовского».

Аннотация: Статья раскрывает особенности землевладения и землепользования дальневосточного казачества. Казакам была свойственна такая форма поземельных отношений, которая с одной стороны позволяла сохранять общинные традиции землепользования, а с другой давала возможность развития землеустройства в рамках общероссийского перехода к рыночной системе.

Проблема землевладения и землепользования дальневосточного казачества традиционно рассматривается региональными историками в контексте изучения процессов заселения региона. В литературе подробно освещены вопросы формирования и развития войска [1, 2, 3], его политической [4], хозяйственно-бытовой организации [5], культуры [6, 7]. Однако в трактовке проблем земельных отношений в казачьей среде историки не выходят за рамки констатации фактов лучшей земельной обеспеченности дальневосточного казачества [8, 9, 10]. Комплексного исследования поземельных отношений Уссурийского и Амурского казачьих войск не проводилось. В настоящей статье предпринята попытка анализа земельных отношений в среде дальневосточного казачества с точки зрения модернизации института земельной собственности, как неотъемлемой стороны аграрной модернизации.

Присоединение к Российской империи обширных, но почти безлюдных территорий Дальнего Востока в середине XIX в. поставило задачу освоения и заселения этих земель. Вопрос о колонизации Амура рассматривался Особым совещанием при императоре Александре II в октябре 1856 г., где было решено, что наиболее целесообразным является заселение региона казаками. Это был наиболее дешёвый способ обеспечения военного присутствия в малонаселённом крае. Размещённые вдоль границ и наделённые землей казаки выполняли не только функции охраны, но и самостоятельно обеспечивали свое содержание, а значит, не требовали больших государственных затрат. Предложения Особого совещания 1 ноября 1856 г. утвердил император Александр II [11, с. 108]. Основой дальневосточного казачества служило Забайкальское войско, созданное еще в 1851 г. В 1858 г. было создано Амурское казачье войско, в 1889 г. – Уссурийское, Первоначально казачьи станицы образовывались вдоль границ, и определенной территории за ними не закреплялось. Только в 1894 г. по инициативе Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского в целях разделения крестьянского и казачьего землевладения, казакам был сделан земельный отвод, получивший название «отвод Духовского». Общая площадь отвода составляла 14,8 млн. дес., из них 5,7 млн. дес. принадлежало Амурскому казачьему войску и 9,1 млн. дес. Уссурийскому. Однако, в фактическом пользовании, в Амурском войске находилось лишь 761 тыс. дес., а в Уссурийском – 938 тыс. дес., в том числе 530 тыс. дес. удобной. После «отвода» средний надел на казачью семью значительно увеличился, достигнув 140 дес. [12, л. 384 об.]. В целом, дальневосточные казаки были обес-

печены землей значительно лучше крестьян данного региона и казаков других регионов России. Например, в Амурском казачьем войске в 1900 г. в среднем на мужскую душу приходилось 48,2 дес. удобной земли, в Уссурийском – 64,6 дес. В Европейской России этот показатель был значительно меньше: в Астраханском казачьем войске – 21,3 дес., Терском – 16,5, Донском – 14,7, Кубанском – 8,2 дес. [6, с. 102–104] Из приведенных данных следует, что казаки были наделены землей более чем достаточно. Отвод Духовского давал возможность получать дополнительные доходы от эксплуатации земель, на которых находились станции Уссурийской железной дороги, и природных богатств, общая стоимость которых только на территории Уссурийского казачьего войска составляла более одного миллиарда рублей. Дополнительную прибыль приносили земли войскового запаса (6,8 млн. дес. земли), ежегодный средний доход от которых за 1908–1913 гг. превышал 216 тыс. руб. [13, л. 26] Имелись и другие источники пополнения войсковой казны, что позволяло не прибегать к субсидии правительства.

«Отвод Духовского», создавая привилегии для казачьего землевладения, объективно ущемлял земельные интересы крестьянских переселенцев. Однако он не был оформлен юридически, и в начале XX века, когда количество свободных земель в крае уменьшилось, появились предложения о закрытии территории Духовского и передаче этих земель в фонд крестьянской колонизации. С 1914 г. решением Совета министров свободные земли «отвода» передавались в ведение управления государственных имуществ. В качестве компенсации казакам полагалось выплачивать ежегодное пособие в размере около 70 тыс. руб. начиная с 1917 г., но в связи с политическими событиями в стране эти выплаты произведены не были [14, с. 89].

Земельные отношения казачества в пореформенный период регламентировались правилами «О поземельном устройстве в казачьих войсках», принятыми 21 апреля 1869 г. [15] Согласно данному закону, все войсковые земли делились на три категории: станичный отвод, надел генералов, штаб-, обер-офицеров и войсковых чиновников, земли войскового запаса. Особенностью казачьего землепользования являлось то, что земля принадлежала войску, а казак имел свой пай. «Никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность», – гласила статья 7 Правил от 21 апреля 1869 г. [13, л. 13] Все мужское население, старше 17 лет

получало паи. Царское правительство предоставляло казакам большие льготы: рядовой состав наделялся землей по 30 дес. на мужскую душу и по 10 дес. в станичный и войсковой запас. В большинстве казачьих войск России существовала общинно – наделная система землепользования. Однако среди дальневосточного казачества широкое распространение получило захватное землепользование. На Амурское войско с учетом ландшафтно-географических условий (лесисто-болотистая местность) и с целью стимулирования, вовлечения в хозяйственный оборот неосвоенных земель было распространено специальное правительственное решение 1869 г., в соответствии с которым, вся земля, которую казак осушал от болот и расчищал от леса, передавалась ему в личное пожизненное пользование без ограничений и независимо от отведенного им надела [16]. Преимущество при таком распределении земли имели зажиточные казаки, обладавшие большими экономическими возможностями.

Правительство, видя в казаках опору, особенно щедро раздавало казачьи земли офицерам. Нормы наделов составляли для обер-офицеров – 200 дес., штаб-офицеров – 400 дес. [13, л. 211] Средний размер пожизненного участка офицеров Уссурийского казачьего войска в 1901 г. составлял 524 дес., что было значительно выше нормы. Многие офицеры использовали свое господствующее положение в войске и при нарезке участков добивались увеличения их площади. Например, в 1899 г. есаул и хорунжий Савицкие получили совместно участок общей площадью 726 дес., хотя по правилам он не должен был превышать 400 дес. Обильно обеспечивались землей и вдовы офицеров. Например, вдове сотника Уссурийского казачьего войска Эпова в 1897 г. был отведен участок в 100 дес. удобной земли. При этом, офицерам даже предоставлялось право «просить об отводе таких земель, которые они сами для себя выберут», некоторые участки находились и вне пределов войсковой территории. Офицерское землевладение носило характер пожизненной собственности. Юридического права на переход земельных участков в частную собственность, если эти участки находились на территории войска, офицеры не имели, хотя, например, в соседней Сибири они выдавались в собственность [17, с. 261]. Участки, отведенные офицерам, изымались из обращения в войске. В тех случаях, когда наделной земли не хватало, это непосредственно влияло на обеспечение землей рядовых казаков.

Значительное распространение в казацкой среде получили арендные отношения. В силу более раннего заселения, а также наличия захватного права у казаков-старожилов преобладала сдача земли, а у новоселов – аренда. В Амурской области в 1910 г. 1103 хозяйства казаков (23,7 %) арендовали 8,07 тыс. дес. земли, а 342 двора (7,5 %) сдавали в аренду 4,01 тыс. дес. Арендаторами казачьих земель являлись преимущественно лица не казачьего сословия, постоянно меняющиеся, в результате чего эксплуатация арендованных земель велась хищнически. Большие доходы приносила сдача земли китайцам под посевы мака, причем, в некоторых случаях арендная плата достигала 300 руб. за десятину [18, с. 121]. Эта форма была основой благосостояния большинства казаков.

Несмотря на лучшие условия обеспечения земель, хозяйственное обустройство казаков и уровень развития земледелия значительно уступали крестьянскому, причиной этого было два обстоятельства: во-первых, они не могли селиться там, где это было им выгодно, а селились на приграничных землях, многие из которых были либо малоплодородны, либо подвергались частым наводнениям; во-вторых, отрицательно сказывались тяготы казачьей службы, когда взрослые и трудоспособные мужчины не по своей воле надолго уходили из станицы. В результате, в Амурской области казачество, располагавшее 477,54 тыс. дес. удобной земли, в 1905 г. обработало из нее всего 47,34 тыс. дес., или по 1,5 дес. на одного человека. Уссурийское казачество из 678 тыс. дес. использовало 20 тыс. дес., или 0,7 дес. на одного человека. В крестьянской среде в это время на душу приходилось 12,7 дес. обработанной земли [19, с. 62]. Учитывая нормы наделения землей, по 40 дес. только на рядового казака, а на крестьянскую душу – 15, еще раз можно подчеркнуть вывод о щедрости казачьих наделов, но при этом отставании их от крестьян и в земледелии, и в развитии самого института земельных отношений.

К концу XIX века основными проблемами казачьего землевладения и землепользования на Дальнем Востоке были неэффективное использование значительных земельных массивов; неопределенность юридического статуса ввиду того, что казачье землепользование регулировалось временными распоряжениями; несовпадение фактических границ землепользования с официальными отводами.

Начиная с 1861 г. неоднократно предпринимались попытки межевания казачьих земель, но они нередко заканчивались неудачей в силу разных обстоятельств: затопления размежеванных земель, наводнения, сгоревших при пожаре межевых планов [17, с. 256]. Процесс межевания усложнялся и нежеланием самих казаков и тем, что земли казачьих войск по своим качествам были слишком разнообразны и неравноценны, и по природным условиям. К концу XIX в. поземельные отношения казачества оказались запущенными, многие общины и казаки не знали юридических границ своих владений, фактическое землепользование нередко не соответствовало произведенным ранее отводам. Из 70 казачьих общин охваченных в начале XX века землеустроительными работами, границы земельных отводов и фактического землепользования совпадали только в 43 %. Систематические межевые работы стали проводиться только с 90-х гг. XIX в. и начинались, как правило, по ходатайству самих селений и были нацелены на установление границ участков и решение спорных вопросов землепользования. Всего к началу XX в. на Дальнем Востоке было обмежевано в Амурском войске – 1 518 тыс. дес., или 26,2 %, и в Уссурийском – 429 тыс. дес., или 4,7 % территории. Не смотря на большой размах землеотводных работ, особенно в амурском войске, юридического завершения произведенное межевание не получило [13, л. 4].

Незавершенность межевых работ, сохранявшаяся неопределенность прав владения делала казачьи земли уязвимыми перед лицом крестьянской колонизации. «Отвод Духовского», создавая привилегии для казачьего землевладения, объективно ущемлял земельные

интересы крестьянских переселенцев. Однако он не был оформлен юридически. И в начале XX в., когда количество свободных земель в крае уменьшилось, появились предложения о закрытии территории Духовского и передаче этих земель в фонд крестьянской колонизации. Учитывая то, что у казаков оставалось большое количество необработанной удобной земли, 3 апреля 1910 г. Советом министров было принято Положение, согласно которому, все свободные земли «отвода Духовского» подлежали заселению крестьянами-переселенцами. Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам выделялись участки, предусмотренные законом 21 апреля 1869 г. о земельном устройстве в казачьих войсках. С 1914 г. решением Совета министров свободные земли «отвода» передавались в ведение управления государственных имуществ. В качестве компенсации казакам полагалось выплачивать ежегодное пособие в размере около 70 тыс. руб. начиная с 1917 г., но в связи с политическими событиями в стране эти выплаты произведены не были [14, с. 89].

Таким образом, казачье землепользование на Дальнем Востоке было основано на законном и на обычном праве. Владения казаков в большинстве случаев определялись давностью пользования и захватным правом. Правительство предоставило казакам огромные земельные просторы, надел рядового казака был только юридически в три раза больше крестьянского, а фактически и того выше. Однако это сыграло и свою отрицательную роль. Не знавшие земельного голода казаки не стремились узаконивать и обмежевывать земельные участки, и отставали от крестьян и в культуре земледелия, и в развитии земельных отношений. Нечеткость границ, неуверенность в своей собственности на землю ослабляли желание казаков обрабатывать ее должным образом. Если дальневосточные крестьяне к концу XIX в. осознали необходимость частной собственности и этот институт стал развиваться, то казаки оставались на стадии уравнительного землепользования, сохраняя черты вольного и захватного права. Но, собственно прогрессивное развитие земельных отношений и не являлось самоцелью дальневосточных казаков: они исправно несли государственную службу, были обеспечены землей и продовольствием и имели немалые доходы от аренды и различных промыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галлямова Л.И. Участие казачества в освоении российского Дальнего Востока // Сибирское казачество: история и современность: сб. науч. ст. / под ред. М.А. Жигуновой, Н.А. Томилова: Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. Омск: издат. дом «Наука», 2011. С. 147–154.
2. Махнборода Т.В. К вопросу о социально-экономическом расслоении дальневосточного казачества // Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1977. С.47–56.
3. Осипов Ю.Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке России в период капитализма // Владивосток: Известия РГИА ДВ, 2002. С. 67–91.
4. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток. 1999. С. 75–83.
5. Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Арсеньевские чтения ч. VI. Уссурийск. 1992. С. 98–101.
6. Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX–начало XX века. Владивосток: Дальнаука, 2004. 173 с.
7. Коваленко А.И. Культура казаков восточных окраин России (XVII – начало XX вв.). Благовещенск. 2008. 207 с.
8. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока, конец XIX в.–1917 г. М.: Наука, 1989. 288 с.
9. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 128 с.
10. Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917–лето 1918 г.). М. 1974. 369 с.
11. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX вв. Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 442 с.
12. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 66.
13. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 533.
14. Приамурье: Факты. Цифры. Наблюдения. М. 1909. 941 с.
15. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 51. Ч. 1. Л. 2.
16. Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. URL: <http://tululu.org/read52238/36/> (дата обращения: 29.04.2014).
17. Швецов С. П. Землевладение и землепользование у казаков и крестьян Амурской области. Вып. II. т. II. ч. I. СПб. 1913. 616 с.
18. Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900–1917 гг.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы междунар. науч. конф. Владивосток. 1997. С. 118–123.
19. Унтербергер П.Ф. Приамурский край, 1906–1910 гг. СПб. 1912. 497 с.

LAND TENURE AND LAND USE KOSSACKS THE FAR EAST IN SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2014

E. V. Polskaya, post-graduate student
Far East State Agrarian University, Blagoveshchensk (Russia)

Keywords: agrarian relations; land tenure; land use; Far Eastern Cossacks; «Dukhovsky challenge».

Annotation: Article reveals particularly land tenure Far East cossacks. Cossacks was typical of this form of land relations, which on the one hand allows you to save community traditions of land use, and on the other enabled the development of land within the nationwide transition to a market system.